

Информационно-пропагандистская работа по обеспечению внутривнутриполитической стабильности на Северном Кавказе: история, практика, уроки

Марченко Геннадий Викторович

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры кадровой и воспитательной работы
Доктор исторических наук
gen.marchenco@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается опыт проведения мероприятий информационно-пропагандистской работы в северокавказском регионе в различные периоды отечественной истории. Особое внимание уделено проблемам пропагандистского воздействия на местное население и вопросам информационной подготовки военнослужащих и сотрудников силовых и правоохранительных структур в условиях реализации государственной политики по обеспечению общественной безопасности и правопорядка в регионе в конце XX — начале XXI вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информация, пропаганда, идеология, безопасность, правопорядок

Marchenko G. V.

Agitational Work for Providing Domestic Political Stability in North Caucasus Region: History, Practice, Experience

Marchenko Gennady Viktorovich

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of Personnel and Educational Work
Doctor of Science (History)
gen.marchenco@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with the experience of the communications work in the North Caucasus region in different periods of Russian history. Special attention is paid to the problems of propaganda effect on the locals. This research reveals the issues of information and training work and its necessity for the military officers and officers from security and law enforcement agencies in the context of realization of the state policy to ensure public safety and order in the region in the late XX — early XXI centuries.

KEYWORDS

information, propaganda, ideological message, security, law and order

В настоящее время организация информационно-пропагандистской работы в силовых и правоохранительных структурах призвана решать задачи повышения уровня общей и правовой культуры военнослужащих и сотрудников. В то же время ее проведение обеспечивает последовательное и комплексное воздействие на граждан, общественные и конфессиональные организации, а также средства массовой информации с целью эффективной реализации государственной политики обеспечения общественной безопасности и правопорядка.

Вопросы информационной политики на национальных окраинах государства всегда были в центре внимания центральной власти. Особую остроту они приобрели в на-

чале XIX в. после включения в состав Российской империи Финляндии, значительной части Польши, закавказских территорий и упрочения российских позиций в Прибалтике. Но при этом вне полноценного влияния оставался соседний северокавказский регион, коренные народы которого в большинстве своем исповедовали ислам.

Первоначальные попытки присоединить к империи эти районы преимущественно силовым путем привели к затяжной Кавказской войне (1818–1864 гг.). За этот период на монаршем престоле побывало три российских императора — начал войну Александр I, вел на протяжении тридцати лет его младший брат Николай I, наконец, завершал племянник — Александр II.

Итогом войны на Северном Кавказе, помимо окончательного покорения проблемного региона, было создание особой специальной системы государственного управления, получившей впоследствии наименование «военно-народной».

Центральная власть стремилась максимально учитывать социально-экономические, национальные, религиозные особенности коренных народов, их традиции и уклад жизни. Этот порядок фактически сохранял существующий общественный строй, предоставляя местному населению решать свои внутренние проблемы по сложившимся обычаям (адатам). Судопроизводство осуществлялось по шариату, свобода вероисповедания ничем не ограничивалась. Более того, северокавказские народы избирали из своей среды местных чиновников (старшин, судей), впоследствии утверждавшихся на более высоком региональном уровне представителями царской администрации.

Такая система на протяжении почти полувека в целом обеспечивала пусть и хрупкий, но мир и согласие в регионе. И немалую роль в этом играла, на наш взгляд, достаточно продуманная информационно-пропагандистская работа как в отношении местного населения, так и в самой русской армии.

В основе информационного воздействия на местное население была активная пропаганда социально-экономических преимуществ присоединения региона к России. Так, например, горцам предоставлялись различные льготы, например, освобождение от взноса податей, нераспространение норм крепостного права и рекрутской повинности.

Пропаганда преимуществ жизни в составе российского государства велась, как правило, через местную аристократию, крупных землевладельцев, купцов и духовенства, имевших материальную и моральную заинтересованность в поддержке усилий самодержавия по включению непростого региона в единое государственное пространство.

В годы войны российская сторона использовала своеобразный подход к формированию общественного мнения среди горского населения. Так, в отношении мирных населенных пунктов соблюдался нейтралитет, что приводило к стабилизации обстановки. Подобное положение дел не устраивало повстанцев, недовольных пассивностью единоверцев. Результатом становились карательные походы мюридов против жителей таких аулов, после которых даже моральная поддержка вооруженной борьбы против русской армии становилась невозможной. Одновременно развенчивался и авторитет горских вождей, использовались определенные социально-политические, религиозные противоречия и территориальные претензии между многочисленными народами региона.

Менялась и военно-политическая тактика действий. Преимущественно силовой характер проводимых мероприятий в годы наместничества на Кавказе генерала А. П. Ермолова сменили более гибкие подходы со стороны новых руководителей региона графа М. С. Воронцова, а впоследствии князя А. И. Барятинского.

Особое внимание уделялось информационной и психологической подготовке участковых начальников, т. е. тех российских чиновников, которые непосредственно общались с горцами, олицетворяя российскую власть на местах. Подготовка

включала получение необходимых знаний по вопросам судебного и финансового производства, религии, медицины, строительства, образования, основам дипломатии, истории и содержанию обычаев и нравах горского населения.

Были предприняты решительные меры по борьбе с коррупцией на местах и искоренению взяток. Речь здесь шла, прежде всего, о моральном авторитете власти, призванной быть честной, неподкупной, гуманной и справедливой.

Информационно-психологическая подготовка русских войск, действовавших на Кавказе, четко укладывалась в идеологическую формулу воспитания: «За Веру, Царя и Отечество!»

Необходимость ведения военных действий российскому воинству разъяснялась рядом причин — от освоения новых земель и упрочения позиций России и власти ее монарха в регионе до защиты православия и исторической необходимости противостояния недружественной внешней политики Османской империи.

В целом, отношение армии к коренному населению было корректным. Так, в ряде селений с помощью простых солдат были построены большие мечети, в том числе за счет личных средств А. П. Ермолова. Десятки аулов, как отмечалось выше, брались войсками под защиту от мюридов. Частыми были случаи, когда русские офицеры отчисляли часть жалования детям-сиротам из горских семей. Репрессивные меры в отношении местных жителей, поддерживавших повстанцев, носили, как правило, точечный характер.

Именно такой комплексный подход к проведению последовательных и продуманных мероприятий по реформированию основных сфер жизнедеятельности, подкрепленных умело организованным информационно-пропагандистским воздействием на местное население, позволил центральной власти добиться решающего перелома в многолетней Кавказской войне.

Внутреннюю политику России в регионе хорошо характеризуют слова выдающегося российского военного деятеля XIX в. генерала М. И. Драгомирова: «Успех войны и боя зависит не от количества материальных потерь, которые мы нанесли противнику, а от того, в какой степени мы поселим в него веру в невозможность нам сопротивляться» [5, с. 159].

Очевидно также, что Кавказ покорился не только силе русского оружия, а главным образом, благодаря высокому нравственному авторитету России среди горского населения, что впоследствии признавал и сам имам Шамиль. Сдавшись в плен на почетных условиях в 1859 г., легендарный вождь горцев со всей семьей несколько лет проживал в Калуге, затем был отпущен совершить хадж в Мекку, где и умер, завещая жить в мире с Россией.

Революционные потрясения 1917 г. привели к распаду Российской империи и не могли не вызвать центробежных тенденций на ее окраинах, в том числе и на Северном Кавказе. Новая центральная власть в лице большевиков, как и ранее представители царской администрации, очень четко использовала этот своеобразный вектор изменений общественных настроений. В отличие от лидеров «белого движения» с их лозунгами о «единой и неделимой России», горским народам была предложена иная модель государственного устройства с признанием права наций на самоопределение. Надежда на будущую независимость во многом предопределила совместную борьбу частей Красной Армии и горских партизан против войск генерала А. И. Деникина в годы гражданской войны.

Информационное обеспечение военных действий, психологическая и пропагандистская работа в этот период были вновь направлены на разъяснение преимуществ нового общественного строя, призванного обеспечить равноправие всех народов бывшей империи. Организовывала проведение этих мероприятий с мусульманским населением Центральная мусульманская военная коллегия при наркомате по военным и морским делам РСФСР, созданная в 1918 г.

В частях Красной Армии были образованы особые политические отделы, секции по работе с населением, агитационно-просветительские структуры, включавшие клубы, кинематографическую аппаратуру, библиотеки, передвижные театры. Приоритетной, с учетом массовой неграмотности местного населения и малограмотности самих красноармейцев, была устная пропаганда. Осуществлялась также подготовка агитаторов из числа мусульман, выпускалась различная пропагандистская литература. В целом информационно-пропагандистская работа носила комплексный характер, обеспечивая эффективность боевых действий и проведение специальных подготовленных идеологических мероприятий по утверждению новой власти в северокавказском регионе.

Но совсем скоро ситуация изменилась. От деклараций и заявлений о братстве народов и уважении национальной самобытности, советское руководство уже через несколько лет перешло к курсу на жесткую централизацию власти, отходу от принципов реальной федерализации и фактическое построение унитарного государства. Проведение кардинального реформирования всех сфер жизнедеятельности проводилось, как правило, без учета национальной специфики.

Иным стало и содержание пропагандистских акций. Так, например, в Ингушетии был учрежден «областной союз безбожников» во главе с руководителем местных большевиков — русским по происхождению. Эта атеистическая организация третиговала мусульманское духовенство, агитировала против основ веры. В ряде районов Чечни мечети стали передавать под хозяйственные нужды. Были даже попытки создания свиноводческих ферм в некоторых горных аулах. Такие «нововведения» свидетельствовали либо о незнании представителями местных властей особенностей национально-религиозного уклада населения или являлись фактическими провокациями. Все это вызывало резкое неприятие у горцев, оценивавших подобные действия как святотатство [4, с. 135].

Следствием такой политики стали многочисленные восстания горцев во второй половине 20-х — нач. 30-х гг. в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карачае и Кабарде. Выступления жестко подавлялись, после чего неизбежно следовали массовые репрессии. Все это, в свою очередь, обусловило вооруженное сопротивление части местного населения органам советской власти в ряде горных районов Северного Кавказа в начальный период Великой Отечественной войны.

Стоит напомнить, что после освобождения региона от немецкой оккупации зимой 1943 г. власть вновь выбрала силовой путь решения имевшихся проблем в регионе — депортацию целых народов (карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев) в восточные регионы государства.

Таким образом, исторический опыт военно-народного управления второй половины XIX — нач. XX вв., сложившаяся система информационно-психологического воздействия на местное население были неоправданно преданы забвению, уступив место диктату центра, многочисленным деформациям и искривлениям национальной политики.

События политической истории 90-х гг. прошлого века радикально изменили ситуацию на Юге России. Кубань, Дон и Ставрополье стали приграничными регионами к районам вооруженных конфликтов и экстремистским проявлениям исламского фундаментализма практически во всех северокавказских республиках.

Необходимо отметить, что в этот период проходило непростое становление российской государственности. Новая федеральная власть после распада СССР взяла на себя нелегкую миссию разрешения прежних ошибок союзного центра. И вновь, как это уже было ранее, особый характер взаимоотношений с центром, историческая память и обиды, выдвинули на своеобразную военно-политическую авансцену событий тех лет Чеченскую республику.

Анализ организации и проведения мероприятий информационно-пропагандистской работы в период активной фазы боевых действий в регионе в конце XX в. позволяет сделать некоторые выводы и рассмотреть практические уроки.

В период подготовки к ведению боевых действий соответствующими государственными структурами не были проанализированы исторические, социальные и духовные истоки горского сопротивления, прежние достижения и ошибки в сфере информационно-пропагандистской работы.

Не был обобщен боевой опыт применения частей русской армии, впоследствии РККА, органов НКВД, ОГПУ, МВД, МГБ и КГБ СССР. Так, серьезные недостатки и просчеты в практике применения армейских частей и войск НКВД в борьбе с националистическим бандподпольем в 40–50-е гг. XX в. были следствием забвения военной наукой аналогичных ошибок использования силовых структур в довоенный период. Во многом невостребованными в 90-е гг. прошлого века на Северном Кавказе оказались и уроки войны в Афганистане, где десятилетием ранее советская армия впервые столкнулась с ожесточенным сопротивлением мусульманского фундаментализма.

В ходе обучения в этот период в военных институтах и военных академиях практически не уделялось внимания изучению военно-исторического опыта борьбы с внутренним врагом. Примечательно, что еще в XIX в. видный военный теоретик генерал-майор князь Н. С. Голицын с горечью констатировал: «...преподается ли у нас где-нибудь теория партизанской войны вообще и нашей русской в особенности? Нет. Несколько строк в учебниках...не составляют еще ни историю, ни историю партизанской войны» [1, с. 5].

Налицо была пассивность и руководства силовых структур по вопросам издания методических пособий, сборников статей и методических рекомендаций по военно-политической истории региона, основам горской морали, обычаям и нравам местных народов, нормам поведения военнослужащих и сотрудников в отношении горского населения.

Центральной властью в период пика вооруженного противостояния в Чечне в середине 90-х гг. не использовались в полном объеме возможности информационно-пропагандистской базы для поддержания конституционного порядка в регионе. Так, полиграфические мощности крупных российских и местных издательств в пограничных районах по выпуску книг, брошюр, методичек, плакатов, листовок соответствующего содержания, в том числе и на языках коренных народов, практически не использовались. То, что в этом плане предпринималось в некоторых силовых структурах на местах, носило единичный и разрозненный характер.

Недостаточной оказалась подготовка по вопросам организации пропагандистских мероприятий у представителей среднего звена органов управления силовых и правоохранительных структур в воинских частях и соединениях, а также военных комендантов районов и начальников РОВД. В силу ограниченности имевшегося информационного материала и слабых методических навыков в этой сфере деятельности, данные руководители, за редким исключением, поверхностно представляли национальную самобытность и психологию горского населения, социальную структуру общества, наличие различных течений в исламе, особенности уклада жизни, нормы родового права (адатов) и влияние тейпов. Приоритет тогда был отдан исключительно силовым методам, следствием применения которых становилось, как правило, приумножение числа участников сопротивления.

Недостаточно эффективной была работа центральной власти, руководства силовых структур со средствами массовой информации по формированию позитивного общественного мнения о характере выполняемых федеральными войсками служебно-боевых задач. При подготовке крупномасштабных операций по борьбе с терроризмом тогдашнее руководство страны упустило или сознательно прене-

брегло необходимостью разъяснения российскому обществу целей, задач, средств и методов предстоящей борьбы. Не был сформирован и образ внутреннего врага — бандита и террориста, покушающегося на мир и спокойствие простых граждан. Практически замалчивался творимый местными боевиками уголовный произвол в отношении некоренного населения, являвшийся фактическим геноцидом на национальной почве. Не был также определен и правовой статус предстоящей военной операции.

Отдельные телеканалы, радиостанции, печатные средства массовой информации тенденциозно освещали ход проводимых политических и военных мероприятий, очерняли действия федеральных войск, выражали сочувствие членам незаконных вооруженных формирований, называя их «повстанцами», «партизанами» и даже «борцами за независимость».

Такие подходы объяснялись противоречивой позицией представителей высшего руководства, чьи непоследовательные, а иногда и ошибочные действия, вызывали эскалацию конфликта и приводили к неоправданным потерям. Все это порождало в обществе неоднозначную реакцию и приводило к резкой критике власти.

Безусловно, существовали и объективные трудности, осложнявшие российской стороне ведение пропаганды. Так, имели место проблемы с подачей электричества в республику. Соответственно на регион не велось телерадиовещание из России. Не доходили в Чечню и российские газеты и журналы. Не работало почтовое, телеграфное и телефонное сообщение. Все это было на руку лидерам боевиков.

В свою очередь, в самой Чеченской республике в этот период выпускались десятки различных пропагандистских изданий. Среди них, например, информационно-аналитические материалы по истории взаимоотношений России и Чечни на протяжении трех веков, Книга Памяти погибших в ходе борьбы с федеральными войсками, биографический очерк, посвященный одному из лидеров Ичкерии Ш. Басаеву, претендовавшему тогда на лавры своего тезки имама Шамиля [2; 3; 6]. Вся эта литература впоследствии распространялась не только в Чечне, но и пересылалась в приграничные с ней российские территории.

Пропаганда идей борьбы за «независимость» велась и в средних школах. Так, в фойе ряда школ Шелковского и Наурского районов в конце 1999 г. были размещены красочные картины и мозаичные панно под названием «Штурм Грозного в августе 1996 г. чеченскими героями», портреты с описанием «подвигов» лидеров сопротивления — Д. Дудаева, А. Масхадова, З. Яндарбиева, Ш. Басаева. Так, среди определенной части российского общества даже было популярным мнение, что один министр пропаганды Чечни М. Удугов со своим немногочисленным аппаратом выиграл тогда информационную войну у официальных российских средств массовой информации.

Таким образом, очевидно, что военные неудачи России в ходе первого вооруженного конфликта в этом регионе, приведшие к подписанию в августе 1996 г. Хасавюртовских соглашений и выводу федеральных войск из Чечни в декабре этого же года, были обусловлены в том числе и прямой недооценкой форм и методов информационно-пропагандистской работы, а также элементарным игнорированием накопленного военно-исторического опыта.

В течение последовавшего относительно мирного периода в регионе в 1997 — первой половине 1999 гг. центральной властью были сделаны самые серьезные выводы, в том числе по вопросам планирования и проведения информационно-пропагандистских мероприятий в период проведения контртеррористических мероприятий.

Деятельность в эти годы на территории Чечни фактически независимой Республики Ичкерии, ставшей региональным центром мирового терроризма, начала напрямую угрожать безопасности России.

После серии террористических актов в Москве и Волгодонске (Ростовская область), «похода» боевиков Басаева и Хаттаба в Дагестан, к концу 1999 г. настроения в российском обществе поменялись кардинально. Последовавшие решительные действия по наведению конституционного порядка в северокавказском регионе со стороны нового российского руководства получили широкую поддержку.

Вторая военная кампания в Чечне (1999–2004 гг.) проходила на ином информационно-пропагандистском и психологическом фоне. Центр смог перехватить информационную инициативу и очень четко, как это было ранее в годы Кавказской войны во второй половине XIX в., а затем в период революции и гражданской войны, использовать этот новый вектор изменений настроений в обществе, консолидировав при этом и медийное пространство. Удалось также за счет наступательного характера информационной работы, оперативности в подаче материала и организации активной контрпропаганды значительно снизить влияние западной пропаганды на формирование общественного мнения. Произошел также «отрыв» от участия в новом вооруженном противостоянии недавних влиятельных духовных лидеров и полевых командиров Чечни, перешедших на позиции федеральной власти (А. Х. Кадырова, братьев Ямадаевых и др.).

Все это позволяет сделать вывод, что для эффективного информационно-психологического противодействия экстремизму и терроризму, деятельность государства в этой области должна носить последовательный и системный характер. Необходимо, прежде всего, значительное увеличение объективной информации и продуманные подходы к объективному освещению в регионе как военно-политических событий, так и мероприятий позитивного социально-экономического характера.

В одном из своих выступлений на расширенном заседании Совета безопасности РФ, посвященном основным направлениям государственной политики на территории СКФО, Президент России В. В. Путин отмечал: «Размещение необъективной, тенденциозной информации о Северном Кавказе неприемлемо, тем более разжигание национал-сепаратистских настроений... конечно, здесь необходима активная информационная работа... взаимодействие с гражданским обществом. Только так мы сможем добиться стратегической цели — сделать Северный Кавказ мирным, стабильным, благополучным регионом Российской Федерации»¹.

Требуется также и усиление роли органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества в регулировании сложившейся системы информационной безопасности на Северном Кавказе. Основным направлением здесь должна стать эффективная и последовательная информационно-пропагандистская и психологическая работа по противодействию любым проявлениям идеологии терроризма. Более активно на медийном поле необходимо действовать и местным электронным и печатным средствам массовой информации. Население этих регионов ждет освещения реальных проблем, прежде всего, эффективной борьбы с коррупцией в различных эшелонах власти и искоренения проявлений исламского фундаментализма во всех сферах жизни.

В настоящее время, по сообщениям официальных источников, идет активная работа над новой Доктриной информационной безопасности РФ (действующая была принята 9.09.2000 г. указом Президента РФ № 1895). В проекте нового документа отмечается, что национальная безопасность государства зависит от информационного пространства, которое все чаще используется для решения военно-политических задач. Обращается также внимание на наращивание информационного воздействия на население нашей страны, прежде всего, на молодежь,

¹ Заседание Совета безопасности [Электронный ресурс]: офиц. сайт/ Президент Российской Федерации. М., 2013. URL: <http://kremlin.ru/news/19184> (дата обращения: 9 сентября 2013).

с целью размыwania культурных и духовных ценностей, подрыва нравственных устоев, исторических основ и патриотических традиций¹.

В связи с этим требуют определенных изменений и подходы к организации учебно-воспитательного процесса в высших учебных заведениях, в том числе силовых и правоохранительных структур, по получению новых знаний, навыков и умений в вопросах новых информационных технологий, практики проведения мероприятий информационно-воспитательной работы и организации защиты от негативного информационно-психологического воздействия.

Сегодня обстановка на Северном Кавказе в значительной степени стабилизирована, выстроена не самая безупречная, но достаточно эффективная вертикаль управления. Произошло укрепление позиций федерального центра, вырос нравственный авторитет власти. Преодолены также определенные стереотипы восприятия российским обществом коренных народов региона в качестве основной террористической угрозы. Все это сказалось на укреплении российской государственности и готовности противостоять новым внешнеполитическим вызовам.

Литература

1. Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе. Мировой опыт и современность. М. : Главное командование внутренних войск; Институт военной истории МО РФ, 1997.
2. Басаев Ш. Биографический очерк, интервью, заявления для прессы. Грозный, 1997.
3. Басханов С. Империя зла. Станица Наурская, 1997.
4. Марченко Г. В. Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-е годы // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138.
5. Российский военный сборник. М., 1995. Вып. 9.
6. Илзотан блаъхой. Нохчийчоъ. 1994–1996. Сед. Грозный, 1998.

References

1. *Army and internal troops in antiinsurgent and counterguerilla fight. International experience and present* [Armiya i vnutrennie voiska v protivopovstancheskoj i protivopartizanskoj bor'be. Mirovoi opyt i sovremennost']. M. : Main command of internal troops; Institute of military history of the Ministry of Defense of the Russian Federation [Glavnoe komandovanie vnutrennikh voisk; Institut voennoi istorii MO RF], 1997. (rus)
2. Basayev Sh. Biographic sketch, interview, statements [Biograficheskii ocherk, interv'yu, zayavleniya dlya pressy]. Grozny, 1997. (rus)
3. Baskhanov S. *Empire of evil* [Imperiya zla]. Village Naurskaya, 1997. (rus)
4. Marchenko G. V. *The anti-Soviet movement in Chechnya in the 1920–1930th years* [Antisovetskoe dvizhenie v Chechne v 1920–1930-e gody] // Questions of history [Voprosy istorii]. 2003. N 1. P. 131–138. (rus)
5. Russian military collection [Rossiiskii voennyi sbornik]. M., 1995. Is. 9. (rus)
6. Илзотан блаъхой. Нохчийчоъ [Ilazotan bla"khoy. Nokhchiicho"]. 1994–1996. Seda. Grozny, 1998. (chechen)

¹ Ъ: новая Доктрина информационной безопасности России фактически готова. [Электронный ресурс] //РИА Новости: информационное агентство. URL: http://ria.ru/defense_safety/20151010/1299630757.html (дата обращения: 27.03.2016).